

А. И. Герцен

БЫЛОЕ И ДУМЫ

Электронная версия: [Павел Потехин](#)

Первые три части печатаются по изданию Герцен А.И. Былое и думы. Части 1 - 3. - М.: ГИХЛ, 1958.

И П. Огареву

В этой книге всего больше говорится о двух личностях. Одной уже нет, - ты еще остался, а потому тебе, друг, по праву принадлежит она.

Искандер

1 июля 1860.

Eagles Nest, Bournemouth

Многие из друзей советовали мне начать полное издание "Былого и дум", и в этом затруднения нет, по крайней мере относительно двух первых частей. Но они говорят, что отрывки, помещенные в "Полярной звезде", рапсодичны, не имеют единства, прерываются случайно, забегают иногда, иногда отстают. Я чувствую, что это правда, - но поправить не могу. Сделать дополнения, привести главы в хронологический порядок - дело не трудное; но все переплавить, *du jeter* 22, я не берусь.

"Былое и думы" не были писаны подряд; между иными главами лежат целые годы. Оттого на всем остался оттенок своего времени и разных настроений - мне бы не хотелось стереть его.

Это не столько записки, сколько исповедь, около которой, по поводу которой собрались там-сям схваченные воспоминания из былого, там-сям остановленные мысли из дум. Впрочем, в совокупности этих пристроек, надстроек, флигелей единство есть, по крайней мере мне так кажется.

Записки эти не первый опыт. Мне было лет двадцать пять, когда я начинал писать что-то вроде воспоминаний. Случилось это так: переведенный из Вятки во Владимир - я ужасно скучал. Остановка перед Москвой дразнила меня, оскорбляла; я был в положении человека, сидящего на последней станции без лошадей!

В сущности, это был чуть ли не самый "чистый, самый серьезный период оканчивавшейся юности" 23. И скучал-то я тогда светло и счастливо, как дети скучают накануне (27) праздника или дня рождения. Всякий день приходили письма, писанные мелким шрифтом; я был горд и счастлив ими, я ими рос. Тем не менее разлука мучила, и я не знал, за что приняться, чтоб поскорее протолкнуть эту вечность - каких-нибудь четырех месяцев... Я послушался данного мне совета и стал на досуге записывать мои воспоминания о Крутицах, о Вятке. Три тетрадки были написаны... потом прошедшее потонуло в свете настоящего.

В 1840 Белинский прочел их, они ему понравились, и он напечатал две тетрадки в "Отечественных записках" (первую и третью), остальная и теперь должна валяться где-нибудь в нашем московском доме, если не пошла на подтопки.

Прошло пятнадцать лет 24, "я жил в одном из лондонских захолустьях, близ Примроз-Гилла, отделенный от всего мира далью, туманом и своей волей.

В Лондоне не было ни одного близкого мне человека. Были люди, которых я уважал, которые уважали меня, но близкого никого. Все подходящие, отходившие, встречавшиеся занимались одними общими интересами, делами всего человечества, по крайней мере делами целого народа; знакомства их были, так сказать, безличные. Месяцы проходили, и ни одного слова о том, о чем хотелось поговорить.

...А между тем я тогда едва начинал приходить в себя, оправляться после ряда страшных событий, несчастий, ошибок. История Последних годов моей жизни представлялась мне яснее и яснее, и я с ужасом видел, что ни один человек, кроме меня, не знает ее и что с моей смертью умрет истина.

Я решился писать; но одно воспоминание вызывало сотни других; все старое, полузабытое воскресало: отроческие мечты, юношеские надежды, удале молодости, тюрьма и ссылка - эти ранние несчастья, не оставившие никакой горечи на душе, пронесшиеся, как вешние грозы, освежая и укрепляя своими ударами молодую жизнь".

Этот раз я писал не для того, чтобы выиграть время, - торопиться было